

Есть ли душа Петербурга в «Ленинградской социологической школе»?

Цепочка рассуждений, основывающихся на анализе биографий советских/российских социологов и ряде общетеоретических принципов изучения научных школ и природы творчества вернула меня к давно обсуждающемуся в сегодняшнем Петербурге (и не только) вопросу о корнях "ленинградской социологической школы". Мне показалось целесообразным и полезным обсудить эту тему в биографическом интервью с профессором Тартуского университета Леонидом Столовичем¹. Он родился в Ленинграде, в юности познакомился с петербургской поэтической культурой, по-

лучил образование на философском факультете ЛГУ, известен своими работами по эстетике, аксиологии и истории философии, в которых социологическая проблематика имеет существенное значение (им выдвинута и обоснована социокультурная концепция ценности), участвовал в социологических семинарах в Кяэрику, долгие годы поддерживал дружеские контакты с рядом ученых, стоявших у истоков современной российской социологии.

Борис Докторов

Я могу говорить о "петербургском духе" социологии

Леонид Столович

— Леонид Наумович, рискну, задать Вам вопрос, о котором я сам давно задумываюсь, но пока не решаюсь ответить на него однозначно. Вы прекрасно помните, что о культурах народов СССР говорили: "национальная по форме, советская — по содержанию". Мне кажется, что ленинградскую социологию можно назвать советской по содержанию и петербургской по духу. Конечно, П.Сорокин и другие социологи дореволюционного Петербурга и постреволюционного Петрограда никакого влияния на становление социологии в Ленинграде не оказали, но в довоенном, военном и в послевоенном Ленинграде еще жило большое число петербуржцев, в школах преподавали учителя "старой культуры", город хранил многое от Петербурга, в общении сохранялись какие-то дореволюционные традиции. Что Вы думаете по этому поводу?

— Начну с действительно общеупотребительной формулы по отношению к культуре: "национальная по форме, — социалистическая по содержанию" (именно социалистическая, а не советская). Сталин в своем выступлении по вопросам языкознания писал, что культура национальна по форме, т. е. по языку. Но М.С. Каган еще в феврале 1956 г. в докладе на совещании искусствоведов и художественных критиков в Тбилиси выступил против этой официальной догмы. Как заметил Борис Бернштейн [2], этим самым "Каган осквернил святыню". Недовольство начальства этой ревизионистской выходкой ленинградского эстетика было с лихвой компенсировано восторгом по этому поводу грузинской художественной общественности, которая удостоила Кагана чести быть тамарой за грузинским столом в доме великого грузинского художника Ладо Гудиашвили. В 1961 году я выразил сомнения по поводу этой сакральной формулы, полагая, что диалектика не может так трактовать соотношение содержания и формы, отрывая их друг от друга: национальное и социальное не распределяются между содержанием и формой, а своеобразно пронизывают и то, и другое [3]. Хотя я много лет преподавал диалектику, но диалектику учил, вопреки тому, что писал Маяковский ("Мы диалектику учили не по Гегелю"), именно по Гегелю. Моя критика официальной установки внимания не привлекла, возможно, потому что тартуские "Труды по философии", изданные небольшим тиражом, были мало кому известны.

Когда мы говорим "советское искусство", "советская философия", "советская социология" и т. п., надо иметь в виду, что слово "советское" в данном случае, так сказать, исторический "мешок", означающий, что искусство, философия, социология

и т. п., о которых идет речь, существовали во время советской власти и не более. Но эти виды сознания по своему содержанию могли быть как советскими, так и антисоветскими, социалистическими или антисоциалистическими. Притом, что "советское" не тождественно "социалистическому". Само понятие "социалистическое" можно понимать двояко: во-первых, как то, что официально именовалось "социалистическим" (например, "социалистический реализм"). Во-вторых, то, что соответствует гуманистическим идеалам социализма, от которых подчас была далека советская жизнь. Таким образом, строго говоря, не всё "советское" было "социалистическим". Не думаю, что всю ленинградскую, как и всю советскую социологию, можно назвать "советской по содержанию", иначе бы она не вызывала стремления партийно-советской номенклатуры ликвидировать труды некоторых выдающихся социологов, типа Юрия Левады. Не всё, что делалось в Стране Советов, было советским по содержанию.

В 2008 г. известный эстетик Юрий Борев выпустил в Москве большую книгу "Социалистический реализм. Взгляд современника и современный взгляд" [4]. На мой современный взгляд и взгляд современника того времени, когда "искусство социалистического реализма" объявлялось высшим художественным достижением человечества, мой коллега, вольно или невольно, допускает серьезный методологический просчет: он относит к "социалистическому реализму" всё советское искусство, которое в лучших своих образцах было вне канонов так называемого "социалистического реализма". Даже "Тихий Дон", в отличие от "Поднятой целины", был вне его. Не случайно прорабатывались как отступники от соцреализма Есенин и Мандельштам, Ахматова и Зощенко, Эйзенштейн и Шостакович, Борис Пастернак и Василий Гроссман и т. д., хотя они все имели счастье жить в советское время и в этом смысле были советскими деятелями культуры. То, что на советскую власть через какое-то время после поношения этих отступников от соцреализма находило временное просветление, и она реабилитировала своих мучеников, награждала их государственными премиями и делала "Гертрадами" (Героями Социалистического труда), сути дела не меняет.

Итак, договоримся, что советской социологией будем называть социологию, возникшую при советской власти, вне зависимости от того, каковой она была по своему социальному содержанию. В этом плане, как я думаю, она делилась на две части: на ту область социального знания, которая стремилась своими методами и методиками дать реально-правдивую картину общественной жизни, и ту, которая подгоняла социологические данные под интересы и потребности власть имущих по принципу: "Чего изволите!" А вот уже советская социология в широком смысле слова могла быть питерской или московской, уральской или эстонской.

Что касается собственно "петербургского духа", то он про-

низывал (но, разумеется, не исчерпывал) как форму, так и содержание будь то искусства, философии или социологии, рожденных "на берегах Невы". Поэтому, пытаясь ответить на Ваш вопрос, я могу говорить о "петербургском духе" социологии, или о присутствии в ней, говоря словами Н.П. Анциферова, "души Петербурга".

Но как определить сам "петербургский дух" в социологии или в чем/в ком-либо другом? Иногда не подводит интуиция. Вспоминаю, как одно из заседаний социологов в Кяэрику попросили вести Юрия Михайловича Лотмана, который поразил участников социологических обсуждений своей необычайной деликатностью (все говорили: "Вот это — настоящий петербургский профессор!"). Юрий Михайлович действительно был настоящим петербуржцем, как и его коллеги по Тартускому университету — экономист Михаил Бронштейн, философ Рэм Блюм, физик Чеслав Луцкич, литературоведы Зара Минц (жена Лотмана), Павел Рейфман и его супруга Лариса Вольперт, в одном лице филолог и Международный гроссмейстер по шахматам. О присутствующих не говорю. Все они, коренные петербуржцы-ленинградцы, были занесены холодным ветром с невских берегов в Эстонию и здесь невольно образовали петербургско-ленинградское интеллектуальное сообщество, оказавшееся для эстонской интеллигенции не инородным телом и содействующее развитию эстонской культуры и экономики. Думаю, что существование этого интеллектуального питерского сообщества сыграло свою роль и при возникновении эстонской социологии. Юло Вооглайд и другие начинающие эстонские социологи были в дружеском контакте с этим сообществом и поэтому отнеслись с полным доверием к тому, что исходило из Ленинграда, в частности и в особенности, к социологической лаборатории, возглавляемой В. Ядовым, которого хорошо знали ленинградские тартусцы.

Что же такое "петербургский дух"? Историко-теоретически это проясняет прекрасная книга Моисея Кагана "Град Петров в истории русской культуры" (СПб.: АО "Славия", 1996), как и классические книги Н.П. Анциферова "Душа Петербурга", "Петербург Достоевского", "Петербург Пушкина" (Н.П. Анциферов. "Непостижимый город...". Лениздат, 1991), сборник "Метафизика Петербурга" (СПб. 1993). И такого рода, хотя и не такого качества, книг множество. А может ли быть присущ "петербургский дух" социологии? По этому поводу я ничего не читал и, наверно, ничего и не мог прочесть. О петербургской же философии кое-что есть. Ежегодно в ноябре проводятся "Дни петербургской философии". Там петербургская философия во многих докладах рассматривается многоаспектно.

Как известно, всё познается в сравнении. Может быть "петербургский дух" раскрывает себя в сопоставлении с "московским духом"? По отношению к философии я сам предпринял попытку такого сопоставления, сделав в 2000 г. по инициативе М.С. Кагана доклад "Москва — Петербург: философский диалог" на VI Всемирном конгрессе по изучению Центральной и Восточной Европы [5]. Годом позже текст этого доклада был опубликован в издании веб-сети [6].

Своеобразие петербургской философии, в отличие от московской, определялось оппозицией особенностей этих центральных городов России. Думаю, что аналогичным образом дело обстоит и в отношении социологии. Какие эти оппозиции? Было бы упрощением утверждать непосредственную детерминацию философской или социологической мысли местопребыванием философов или социологов. Однако противостояние двух российских столиц, различие их исторических судеб и духовно-культурной жизни находило в определенные периоды свое выражение в развитии русской философии, в диалоге ее мыслителей. Это было обусловлено такими полярными особенностями Москвы и Петербурга, как оппозиции исконно-русского и западно-европейского ("окно в Европу"), центрального и периферийного, континентального и морского местоположения, столетиями естественно становящегося

города и города, развивающегося от основания, созданного по определенному плану. Очень важное значение имел исторически изменявшийся статус городов в качестве столицы российского государства, что было сопряжено с перемещением центра официальных структур и соперничеством новой и опальной столицы. Следует иметь в виду, что символическим представителем Москвы и Петербурга становились и те культурные ценности, которые создавались в каждом из этих городов и которые уже сами олицетворяли их различия и противоположность. Это различия в архитектурных стилях, скульптурных памятниках, в литературно-художественных образах, изображениях в живописи и графике, в легендарно-мифологическом ореоле. В философии, как и в социологии, произведения, созданные в том или другом городе, сами становились "визитными карточками" этих городов.

Притом, одни факторы противостояния двух центральных городов России носили постоянный характер (факторы географические и исторические), другие же, такие, как функции столицы государства, попеременно принадлежали то одному, то другому городу. В соответствии с этим город, лишенный столичного значения, сохранял его в своих "генах" и вольно или невольно проявлял свой "комплекс неполноценности", соперничая со своим антиподом. Московский или же петербургский фон накладывался на экономическую, политическую и культурно-духовную жизнь важнейших центров России. В последнюю, кроме философии, входит также архитектура и монументальная городская скульптура, художественная литература, театр, музыка, балет, кинематография.

В области философии различие между петербургским и московским течениями ярко проявлялось особенно во время спора "западников" и "славянофилов", которые со времени их возникновения в конце 30-х годов XIX столетия сами себя называли "московским направлением", "московской партией".

Вы поставили вопрос о петербургском духе в современной советско-российской социологии. Надо иметь в виду, что в течение советского периода и особенно после Отечественной войны происходил процесс вымывания как из Москвы, так и из Ленинграда потомственных, коренных жителей этих городов, что сказывалось на их традиционном интеллектуальном потенциале. Но философское и социологическое образование и возникающие философские и социологические центры в обоих городах способствовали наперекор всемоу появлению в период "оттепели" и в новой, и в старой столице творчески работающих философов и социологов. Однако, партийное руководство "идеологическим фронтом", расположившееся в Москве, стремилось давить и подавлять любые отступления от партийной линии во всех ее изгибах ленинградских философов также, как и своих земляков. Правда, "колыбели революции" доставалось порой больше, поскольку целенаправленно проводилась сталинская политика удушения петербургско-ленинградской культуры во всех ее проявлениях, ленинградские ученые имели меньшие возможности для зарубежных контактов со своими коллегами и нередко талантливые ленинградцы вынуждены были покидать свой родной город. Вместе с тем, происходит интеграция творческих усилий ученых и философов обоих культурных центров страны в противостоянии официозным установкам. Так, например, в конце 60-х годах возникает Тартуско-Московская школа семиотики и культурологии, которая, по сути дела, является Ленинградско-Московской, поскольку ведущие ее тартуские участники — это ленинградцы, вынужденно покинувшие свой город, но сохранившие с ним тесную связь.

Попробую от общих рассуждений перейти к более конкретному ответу на Ваш вопрос: оказало ли влияние на становление социологии в Ленинграде то, что в довоенном, военном и в начале послевоенных лет в Ленинграде еще жило большое число петербуржцев, в школах преподавали учителя "старой культуры", город хранил многое от Петербурга, в общении

сохранялись какие-то дореволюционные традиции? Иначе говоря, сохранился ли в Ленинградской социологии петербургский дух?

Конечно, это не определяется только предметом исследования. Разумеется, ленинградские социологи исследовали главным образом социальные объекты, связанные с родным городом. Духовный ореол, если так можно сказать, исходящий от этих объектов, уже как-то проявлялся в этих исследованиях, влиял на их характер, в особенности, если исследовались ценностные ориентации жителей города с его неискоренными еще традициями. Однако, по-моему, всё дело в том, о каких конкретно социологах идет речь. Что касается, например, Игоря Кона, Владимира Ядова, Андрея Здравомыслова, Бориса Фирсова, то у меня нет никакого сомнения в их укорененности в ленинградско-петербургской культуре. И дело не просто в том, что они коренные ленинградцы, а в том, что они обладали такими качествами их личности, из которых я бы обратил внимание на следующие: открытость по отношению к зарубежному исследовательскому опыту, отсутствие опасения того, что это может выглядеть антипатриотично; они в своей научной деятельности проявляли максимально возможную в тех условиях самостоятельность и независимость от вышестоящих указаний. Поэтому, в основном, ленинградская социология не угождала начальству, противостояла сервильной социологии, поэтому тот же Ядов и Кон не могли продолжать работать в Ленинградском университете и даже вынуждены были переехать в Москву, где оказался больший простор для их творческой деятельности, ни в коей мере не утратив свою петербургско-ленинградскую природу. В качестве неперемного условия "гнездования" петербургского духа в личности человека, в частности, социолога, я бы назвал интеллигентность. Разумеется, интеллигентность — это не отличительная особенность ленинградца-петербуржца. Она может быть присуща как москвичам, так и жителям всех других городов России. Но для петербуржцев — это необходимое условие петербургского духа, "conditio sine qua non" — то, без чего нельзя. Притом, петербургская интеллигентность включает в себя "петербургский патриотизм", любовь к ценностям родного города, духовную причастность к его истории. Лучшие петербургские традиции в социологии могли продолжаться и вне Петербурга, если их рассматривать, как освоение того, что было обречено блистательной и многострадальной историей Петербурга-Ленинграда. В этом смысле не все проживавшие на Неве были носителями этих традиций (не думаю, что высадившийся в Москве в последнее десятилетие правительственный петербургский "десант" был образцом традиционной петербургской культуры), а, например, москвич Левада, на мой взгляд, эти традиции достойно продолжал в своей социологической деятельности.

К социокультурным корням "Ленинградской социологической школы"

Борис Докторов

В 1994 году в Петербурге состоялась представительная конференция, на которой обсуждались вопросы становления и особенности "ленинградской социологической школы" [7]. Это событие было явно пионерным. В первой половине 90-х наше профессиональное сообщество только начинало осознавать свое прошлое как объект и предмет научного анализа, делались первые шаги по созданию методологии изучения истории советской/российской социологии. За истекшие более пятнадцать лет в этой области многое сделано: предложены подходы к периодизации постхрущевского периода российской социологии, подготовлены обзоры развития ряда направлений отечественной социологии, собран богатый биографический материал прежде всего о социологах "первых призывов", обогатилась методология историко-научных поисков.

Значительно четче, детальнее стала картина развития социологии в Ленинграде-Петербурге. В последние годы при поддержке журнала "Телескоп" мною были проведены интервью с теми, кто стоял у истоков современного этапа советской/российской социологии и у кого в памяти сохранилось многое о том, как начиналась социология в Ленинграде. Есть воспоминания В.А.Ядова и недавно умершего А.Г. Здравомыслова. Опубликованы беседы с А.В. Барановым, Э.В.Беляевым, Я.И.Пилинским, Б.З.Докторовым, Б.И.Максимовым, А.А. Русалиновой, Г.И.Саганенко, И.И.Травиным, Б.М.Фирсовым. Много интересных деталей всплыло в беседах с теми, кто примкнул к возникшему социологическому сообществу в 70-х — 80-х: В.А. Бачинин, Е.А.Здравомыслова, М.Е.Илле, В.И. Ильин, Л.Е. Кесельман, Р.С. Могилевский, Л.В. Панова, Е.Э.Смирнова, Б. Г. Тукумцев, Н.А. Ядов. В одном из ближайших выпусков журнала будет интервью с Т.З. Протасенко, начата беседа с В.М.Воронковым. Очерками о В.Б.Голофасте и Г.В.Старовойтовой положено начало анализа жизненных и творческих путей ленинградских социологов. Уникальная информация о событиях удаленных и близких содержится в мемуарах Я.И.Пилинского, И.С.Кона, С.А. Кутеля и Э. В. Соколова, в воспоминаниях А.Н.Алексеева и Ч. Сымановича. Еще до начала этого проекта в "Социологическом журнале" было интервью с О.Б. Божковым, существует несколько интервью с О.И.Шкартаном. Серия бесед опубликована "Журналом социологии и социальной антропологии", в частности, с: А. О.Бороновым, И.А.Голосенко, С.И.Голодом, В.Я.Ельмеевым. Богатый материал о жизни людей нашего профессионального цеха представлен в работах монографического характера А.Н.Алексеева и Б.М.Фирсова.

Известно, что в Ленинграде начинался постхрущевский период отечественной социологии. Наличие теперь уже значительного объема данных о полувековом развитии социологии в нашем городе указывает на то, что в опоре на имеющиеся материалы и накопленный теоретико-методологический опыт современный Петербург может стать социокультурным пространством формирования серьезного, ответственного, интеллектуального отношения к истории советской/российской социологии.

Анализ обстоятельств зарождения современной российской социологии и биографий ученых, стоявших у ее истоков, на мой взгляд, не даст оснований говорить о том, что послевоенная советская социология стала продолжением сделанного дореволюционными учеными и прикладных исследований 20-х—30-х годов. То не было возрождением прошлого, но было вторым рождением социологии в России. Вместе с тем, ряд общеисторических и культурологических соображений, а также знакомство с жизненными путями ученых, в первой половине 60-х на Васильевском острове положивших начало "ленинградской социологической школы", подталкивает к допущению о том, что в ее истоках можно найти и капли петербургского духа. Подчеркну, не следы дореволюционной социологии, но именно какие-то отголоски атмосферы, настроений, традиций, темпо-ритмов, эстетики Санкт-Петербурга. В силу многих обстоятельств подобная социокультурная пропитка того направления ленинградской социологии, которое связывается прежде всего с деятельностью И.С.Кона, В.А.Ядова и А.С.Здравомыслова, не была реализацией программы, учитывающей сделанное русскими дореволюционными социологами и социальными философами. Но была следствием их картины мира.

Назову три причины того, почему тема присутствия "петербургскости" в "ленинградской социологической школе" не всплыла на конференции 1994 года. Во-первых, к тому моменту прошло всего три года после возвращения Ленинграду исторического имени, процессы погружения населения в петербургскую культуру и становления соответствующей самоидентификации лишь начинались. Во-вторых, идеи феноменологической социологии, допускающие существование такой субстанции, как душа города, многим казались не научными. В-

третьих, не существовало установки на поиски связи между личным и институциональным, между "большой", как бы объективной историей науки и личностным, откровенно субъективным отношением к прошлому.

Безусловно, многое не ясно в том, как искать дух Петербурга в сердцах и душах тех тридцатилетних, которые полвека назад в почти развалившемся Меншиковском дворце изучали бюджет времени рабочих и их отношение к труду, и конечно же есть сомнения в результатах этого поиска. Но более важным представляется сегодня вопрос о том, зачем искать.

Прежде всего к этому подталкивают логика, методология историко-биографических исследований. Откроем серьезные работы о философах и художниках, ученых и полководцах древности, средних веков и Нового времени. Оказывается, что истоки деятельности всех их лежат в природной, социокультурной и собственно коммуникативной средах, в которых они формировались. Так было, так есть и так будет.

И вторая причина лежит в "откровениях" социологов, поясню примерами.

Родившийся и выросший в нищете в небольшом городке Дзержинске в 30 километрах от Нижнего Новгорода, никогда не бывший сытым Альберт Баранов в 1948 году в товарном вагоне приезжает в Ленинград, чтобы поступать в Университет. Идет он от Московского вокзала по полуразрушенному Невскому проспекту и не может глаз оторвать от города. И далее: "Пройдя пол-Невского, я знал, что я буду не только учиться, но и жить здесь, и только здесь. Окончательно и бесповоротно".

В бесхитростном стихотворении, написанном Андреем Здравомысловым в 2004 году к 75-летию Владимира Ядова и отражающим начало их жизни, есть Нева, сад у Фонтанки, "Питер, что родил нас / Где застала нас война", есть "мост Тучков на Стрелку" и есть:

*Многое чего припомнишь
Что хранится где-то-рядом
В той каморке, дверь которой
Была долго заперта...
Все прошло, что было, было
Все смешалось-обновилось
"Все, что было сердцу мило"...
Не утлыло, не ушло!*

И думается, мне, что поиски "петербургской души" в "ленинградской социологической школе" будут плодотворными вне зависимости от итогов этих историко-наукведческих разысканий.

1. Интервью с Л.Н.Столовичем будет опубликовано в "Социологическом журнале", 2010, №4.

2. Берштейн Б. Мика: дружба, жизнь, урок из истории философии <<http://www.borisbernstein.com/mika.asp>>.

3. Столович Л.Н. Некоторые аспекты диалектики содержания и формы. Ученые зап. Тартуского гос. университета, вып. 111, Труды по философии, V. Тарту: 1961, с. 57-66.

4. Боров Ю. Социалистический реализм. Взгляд современника и современный взгляд. АСТ. 2008.

5. Stolovich. L. St. Petersburg and Moscow: Philosophy Dialogue // VI World Congress for Central and East Europe Studies (VI ICCEES World Congress). 29 July — 3 August 2000. Abstracts. Tampere: Finland, 2000, P. 416.

6. Столович Л. В диапазоне гуманитарного знания. К 80-летию профессора М.С.Кагана" СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001, с. 120-130 <http://anthropology.ru/ru/texts/stolovich/kagan_09.html>.

7. Ленинградская социологическая школа (1960-е — 1980-е годы) / Отв. ред. В.Костюшев. М.-СПб: СПб ассоциация социологов. 1998.